

Вместе или раздельно

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВ

Вторая часть книги Солженицына «Двести лет вместе» охватывает период от 1917 года до семидесятых годов. Иными словами, в центре внимания автора еврейско-русское сосуществование в пору революции, становления советской власти и при советском режиме.

В первой книге Солженицын, хочешь не хочешь, выступал исследователем-дилетантом. Ведь странно было бы считать его специалистом по истории XVIII—XIX столетий. Другое дело — советская эпоха. Ею Александр Исаевич занимался долгие годы, над нею размышлял художественно и публицистически. Знакомство с источниками, знание фактов, обширнейшая его эрудиция, в особенности относительно всего, что касается революционных лет и первых десятилетий советской власти, не могут не впечатлять.

Солженицын, с одной стороны, подчеркнуто откровенен. С другой — столь же подчеркнуто старается быть объективным. Может быть, поэтому такое обилие в книге статистики, фактов и цитат. Причем и здесь Солженицын показывает свою неангажированность, обильно цитирует авторов-евреев: книги и статьи Иосифа Бикермана, Даниила Пасманника, Исаака Левина, Григория Ландау. Более того, акцентирует на них внимание и пишет:

«Отдав этим авторам много времени и раздумий (и читателя вовлечу), я хотел бы краткие сведения о них сохранить в нашей книге».

Сомневаться в солженицынском стремлении к объективности, в его добросовестности и точности было бы странно. В любом случае проверять факты, говорить об ошибках и упущениях — дело историков и специалистов. Но ведь книга Солженицына не статистический справочник и не сухая хроника, не простой перечень сведений и имен. У нее есть пафос и направление. О них и имеет смысл рассуждать в первую очередь.

И здесь, как ни странно, не все так... хорошо. Какова «пафосная» последовательность книги, что должны продемонстрировать факты? Участие евреев в русской революции и в расшатывании российской государственности, убеждает Солженицын, несомненно. После Февраля евреи добились прав, которых не было при царском режиме, и поначалу многие еврейские организации были против большевиков. Однако затем оппозиционность к большевикам исчезла. Руководящие посты при большевиках занимали в основном евреи. Доминировали они и в ЧК. Они причастны к организации Красного террора. В результате большевистская власть связывалась в общественном, народном сознании с евреями. Отсюда погромы, в частности, погромы и антисемитские настроения в Белом движении. И в эмиграции, где оказалось немало евреев, должного осуждения примкнувших к большевикам евреев не было.

В двадцатые годы — множество евреев на руководящих советских постах, в ЧК, НКВД, ГПУ. В годы ежовщины репрессии коснулись и евреев, однако неверно говорить, что в советских органах евреев не осталось вовсе.

По сути дела, для Солженицына единственным откровенно антисемитским выступлением советской власти стала политика последних лет правления Сталина: дело врачей, процесс космополитов. Лишь в шестидесятые годы еврейство отвернулось от советской власти. Но тогда стал рождаться миф, что советская власть всегда носила антисемитский характер.

Солженицынская методика выглядит примерно так. Он пишет, сколько евреев было в большевистском правительстве на руководящих постах — а затем говорит, что, конечно, обвинять во всем только евреев неверно:

«И надо отчетливо сказать, что и Октябрьский переворот двигало не еврейство (хоть и под общим славным командованием Троцкого, с энергичными действиями молодого Григория Чудновского: и в аресте Временного правительства, и в расправе с защитниками Зимнего дворца). Нам, в общем, правильно бросают: да как бы мог 170-миллионный народ быть затолкан в большевизм малым еврейским меньшинством. Да, верно: в 1917 году мы свою судьбу сварили сами, своей дурной головой — начиная и с февраля и включая октябрь-декабрь».

Солженицын перечисляет евреев в органах ЧК, НКВД, в лагерном начальстве, а затем оговаривается, что были не только они и виноваты не только они. Вот пример: «Однако невозможно найти ответа извечному вопросу о том, кто виноват, кто довел до гибели. Объяснять действия киевского ЧК тем только, что три четверти там были евреи, — разумеется, неверно».

Разумеется...

Или наоборот, говоря о Белом движении, Солженицын пишет, что участвовали в нем и евреи. Но оговорки тонут в статистике и по сути заключены в скобки. «Позитивные» примеры — в обильных «негативных» материалах. Пафос понятен. Евреям следует признать свою роль в революции, в преступлениях советской власти. И раскаяться.

То есть, говорят «Двести лет вместе», обвинять во всем евреев нельзя, но посмотрите, сколько все-таки среди евреев виновных. И фамилии, фамилии, фамилии, фамилии...

Везде, повсюду почти ощущение раздельности черты. Везде — плохо скрываемый укор. В главе «В лагерях ГУЛАГа» Солженицын пишет:

«И если я захотел бы обобщить, что евреям в лагерях жилось особенно тяжело, — мне это будет разрешено, и я не буду осыпан упреками за несправедливое национальное обобщение. Но в лагерях, где я сидел, было иначе: евреям, насколько обобщать можно, жилось легче, чем остальным».

Здесь авторская субъективность выступает вместо статистики. Как, скажем, и на страницах, посвященных Александру Галичу, в обличительном пафосе которого «ни ноты собственного раскаяния, ни слова личного раскаяния нигде»; который «сочтен народным поэтом», хотя — «ни одного героя-солдата, ни одного мастерового, ни единого русского интеллигента и даже эка порядочного ни одного». И даже так: «Сатира Галича, бессознательно или сознательно, обрушивалась на русских, на всяких Климов Петровичей и Парамоновых». Вот до чего дошло! Как будто нет у Галича

ни «Признания в любви», ни «Караганды», ни «Памяти Зощенко», ни песни о «счастливом человеке».

И здесь даже по тому, как цитирует Солженицын, видна его предвзятость и слепота непонимания. Конечно, можно взять строки «Свесив сальные патлы, гость завел «Ермака» ... И гогочет, как чочет, хоть святых выноси, и беседовать хочет, о спасении Руси» и называть их «русопатскими». Но ведь «беседовать хочет» номенклатурный партийный гость из Москвы, охотник за иконами не с кем-нибудь, а с бывшим эзком, из «кулаков и лишенцев», с «подлинным» «русским мужиком». И это его, русского мужика, реакция на гостя.

Так все-таки — вместе или раздельно?

«Я в этой книге как раз и «называю вещи своими именами». И — ни минуты не ощущаю, чтоб это было враждебно евреям. И — сочувственнее пишу. Чем, встречно, многие евреи пишут о русских. Цель этой книги, отраженная и в ее заголовке, как раз и есть: надо нам *понять друг друга*, надо нам *войти в положение и самочувствие друг друга*. Этой книгой я хочу протянуть рукопожатие взаимопонимания — на все наше будущее. Но надо же взаимно!»

Конечно, надо бы... А так — по статистике и фактам, по пафосу и духу — получается все-таки — раздельно. И, протягивая руку для рукопожатия, хорошо бы примеры привести покаяния у нас в революции, в коммунизме.

Я, кстати, что-то не слышал ни одной покаянной речи со стороны коммунистов. Напротив, с традициями российской и русской государственности связывают себя нынеш-

ние коммунисты. А антисемитские выступления последнего времени — это выступления так называемых левых, продолжателей дела Ленина—Сталина.

Не о покаянии говорят — а о примирении. И день 7 ноября так называли. И Петр Великий на шутовском митинге в Петербурге встречает Ленина. И гимн прежний, сталинский звучит. И Дзержинского хотят вернуть на Лубянскую площадь. Аж из Иркутска ходатайствуют коммунисты.

И вот это все — откуда берется? Из каких народных глубин? И чем эту непокаянность, это упорное отстаивание «советскости» и советских «завоеваний» объяснить? Или опять стоит чью-то «организующую» роль отыскивать?

И боюсь, что не как протянутая для рукопожатия рука будет воспринята эта книга. Уж больно заносчив тон. Уж больно подчеркивается право судить. Уж больно странно выглядят основные «теоретические» послышки, высказанные в главе, отрывающей книгу, — «В уяснении».

Все-таки больше это похоже на размежевание, на подчеркнутое «не вместе», на указание «инородства», «чужеродности», на взыскание чужой вины. Но с оговорками в скобках. Скобки как будто — цена и мера объективности.

Александр Солженицын. Двести лет вместе. Часть II. — М.: Русский путь, 2002. — 552 с.